

Анна Алексеевна ЛЮЦИДАРСКАЯ

НАСЛЕДНИКИ СЛАВЫ СИБИРСКИХ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

канд. ист. наук
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: lucid@archaeology.nsc.ru

Взрослые сыновья сибирских казаков в XVII в. составляли особую группу населения, являясь в экстренных ситуациях как бы резервом казачьих гарнизонов. Некоторые из них занимали места отцов или близких родственников в случае отставки или смерти последних. Большинство же казачьих детей занимались ремесленной либо сельскохозяйственной деятельностью, обеспечивая свои семьи. Постепенно представители этой группы населения пополняли ряды крестьян или мелких товаропроизводителей.

Ключевые слова: колонисты, Сибирь, сыновья казаков, гарнизон, служилый чин, жизнеобеспечение, перспективы.

Служилый люд, иными словами, люди, состоявшие на государственной, царской службе, являлся основной, самой активной и пассионарной силой в ходе колонизации огромной территории Сибири. Без деятельности служилых казаков невозможно было бы развивать земледелие и различные промыслы. Казаки открывали новые территории, обеспечивали мирное сосуществование с местными аборигенами, которые далеко не всегда и везде были согласны подчиняться колонистам. Исследователи истории Сибири на протяжении почти трех веков не могут обойти вниманием эту значимую категорию населения [1]. Первоначально большее внимание уделялось военно-политическим моментам, связанным с деятельностью служилых казаков, а затем стали рассматриваться социально-экономические и демографические аспекты. Несмотря на неослабевающий интерес исследователей Сибири к служилому казачеству, до сего времени остается достаточно белых пятен, учитывая огромную зауральскую территорию и специфику отдельных ее регионов.

В Западной Сибири стабильная жизнь наладилась значительно раньше, чем в восточных регионах, поэтому часть казаков из гарнизонов западносибирских городов переводилась в более отдаленные места: Якутск, Нерчинск и др.

Нормализация политической обстановки в Сибири и успешное развитие хозяйственной деятельности неизбежно вели к сокращению гарнизонов, прежде всего в городах Западной Сибири. Число жителей росло за счет притока других социальных слоев населения: крестьян, посадских, «промышленных» людей и др. Первоначально, когда власти крайне нуждались в увеличении численности служилого люда, ряды казаков пополняли представители иных групп населения, а также представители местного коренного населения, лояльно относившиеся к новым «русским» порядкам. Казалось само собой разумеющимся, что сыновья служилых людей в первую очередь верстались в казаки. Место умершего или ушедшего в отставку сына боярского, конного или пешего казака занимал, как правило, его сын. В больших семьях служилые люди старались пристраивать в гарнизоны всех своих сыновей. Прерогативой при этом пользовались дети боярские и конные казаки.

Сибирские дети боярские составляли особый слой населения: они имели привилегии, выполняли административные поручения, участвовали в дипломатических переговорах и, прежде всего, руководили военными операциями. В данном тексте речь о них не пойдет, хотя четко выстроенной грани между казаками и детьми боярскими не существовало, особенно в начале века. Конный казак, имевший определенные заслуги на своем поприще, мог повысить свой статус. Однако со временем ряды детей боярских в большинстве случаев пополняли их сыновья, братья и другие родственники.

Дети конных и пеших казаков составляли в городах значительный слой населения. Особенно это касается «служилых» городов, таких как Томск, Кузнецк, Тара и др. В официальных документах дети казаков так и назывались «казачьи дети». По-видимому, не получая жалованья, они в перспективе учитывались как возможная военная сила.

Многодетные семьи в Сибири не были редкостью, но, как правило, в казачьей семье имелось 2–3 сына. Если судьба старшего была более или менее определена – он наследовал отцовское место, то младшие пополняли когорту «казачьих детей».

Донесение кузнецкого воеводы за 1687 г. дает возможность получить представление относительно численности казаков и казачьих детей в городе. Географическое положение Кузнецка обеспечивало ему статус служилого города со значительным гарнизоном. Последнему приходилось вступать в противоборство с потестарными объединениями и родоплеменными союзами автохтонного населения [2, с. 53]. По данным источников, на 1687 г. в Кузнецке числились в казачьих детях, «которым <...> служить мочно без нужды и домами своими живут лету по сороку и больши и дети у них есть, сто пятьдесят человек». Эти жители имели свои дома в городе, пахали пашню и владели домашним скотом. Более молодое поколение казачьих детей «лет по тридцати» своих дворов в Кузнецке не имело, «жили у сородичей своих». Таких в городе насчитывалось 100 чел. Еще 150 казачьих детей от 17 до 20 лет были холостыми, они проживали совместно с отцами¹

Таким образом, к концу 1680-х гг. в Кузнецке проживало 300 чел., причисленных к разряду казачьих детей. Это была дееспособная часть населения, которая в дальнейшем могла привлекаться для пополнения сибирских гарнизонов, а также влиться в другие сословные группы. В этом же документе прямо указывается на возможность использования казачьих детей в случае «прихода неприятельских людей».

¹ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 749. Л. 352–374.

Со временем ломалась привычная схема, согласно которой место служилого казака занимал его сын. Разборный список служилых Кузнецка за 1681 г. ярко иллюстрирует заведенный в среде казаков порядок. В своей «сказке» конный казак Василий Максимов описывал свою историю так: его дед, казак, был убит в столкновении с «калмаками», его место с тем же окладом занял сын, после смерти которого был поверстан старший из сыновей Тимофей, и, наконец, после смерти брата Тимофея искомый чин получил Василий Максимов [2, с. 289].

Военно-политическая обстановка менялась по всей территории Сибири, но в западной ее части все процессы происходили интенсивнее. В городах, имевших военно-стратегическое значение (Томск, Тара, Кузнецк и др.), служилое казачье население составляло костяк жителей. Естественно увеличивалось число казачьих детей, составлявших особую группу, функционирование которой в сибирском сообществе выглядит достаточно аморфно. Сыновья казаков выделялись среди жителей уже своим «казачьим» происхождением, вроде бы гарантировавшим им казачий статус. Однако численность гарнизонов не увеличивалась, а естественный прирост населения создавал трудно преодолимые препятствия для получения искомого чина. Особенно это касалось семей малообеспеченных пеших казаков. В силу сложившихся причин казачьи дети искали и подчас находили себе различные занятия, приносившие доход.

Такие же проблемы были даже у сыновей высших служилых чинов – детей боярских. Так, в 1706 г. сын довольно известной в Томске фамилии сына боярского А. Лункеева Василий нанялся в ученики к котельнику. В договоре, «жилой записи», об этом говорится: «...и в те вышеписанные годы ему Степану меня Василия выучил своему котельному мастерству чему он Степан сам горазд»²

. Подобные истории происходили, судя по всему, и с сыновьями конных и пеших казаков.

Казачьи дети обосновывались как в городе, месте проживания родителей, так и в уезде. В этом случае обрабатываемые ими угодья могли принадлежать их отцам или другим родственникам. Имели сыновья казаков и собственные угодья, полученные в собственность различными способами. Четко выявить истоки права у казачьих детей на личное владение землей крайне сложно из-за отсутствия однозначной документальной базы.

Имеются документы, которые дают некоторое представление о жизнедеятельности второго и последующих поколений казачьих детей в Томском уезде. Думается, что в других сибирских городах с теми или иными модификациями возникали схожие ситуации в среде казачьих детей.

В 1705 г. в Томске свои дворы имело более 120 чел., официально причисленных к категории казачьих детей. Как правило, в пределах двора располагалась одна изба, пригодная для круглогодичного жилого использования. В Томске 20 % (28 чел.) от общего числа казачьих детей имели более 1 жилой постройки, а у 3 чел. было построено 3 теплых помещения. Акцент на количестве отапливаемых изб делается потому, что с каждой печи в усадьбе собирался налог, «подымные деньги», поэтому количество отапливаемых домов являлось определенным мерилем достатка хозяина.

Часто родственники селились поблизости друг от друга: братья, дети и родители, дядя и племянники и т.п. Вполне вероятно, что у родственников был общий промысел или ремесленное производство. О том, что казачьи дети занимались разного рода промыслами, имеется немало свидетельств. Сложность изучения этой информации заключается в ее отрывочности, краткости и бессистемности. И все же из целого ряда документов XVII – начала XVIII в. можно получить сведения об участии казачьих детей в хозяйственной жизни города.

Данные из книг сбора 10-й деньги по Томску о занятиях торгово-промышленной деятельностью жителей Томска свидетельствуют, что в 1668–1669 гг. 124 чел. было включено в список плательщиков этого налога. Среди них лишь шестеро являлись казачьими детьми, занимавшимися промыслами, не приносившими особого дохода. Василий Стрелковский изготавливал кадки, кадушки, различные бочки для нужд населения. Их использовали для хранения сыпучих веществ, пороха, соли и т.п. Хозяйки в бочках заготавливали впрок продукты. Несмотря на постоянный спрос, промысел В. Стрелковского приносил весьма скромный доход в 0,5 руб. Такой же доход получал с шильного промысла казачий сын Иван Мухоплев. Занимавшиеся рыбой имели больше денег: казачьи сыновья, рыбник М. Белослудцев платил налог с дохода в 1 руб., П. Юрьев, занимавшийся изготовлением сетей, был обложен с искомой суммы в 1 руб.

Серебряным промыслом занимался казачий сын Иван Маслов и платил налог с 1 руб. дохода. Более преуспевал казачий сын Иван Артемьев, который совместно с гулящим человеком Ларионом Никитиным Кайгородцем занимался торговлей, приносящей доход, равный 5 руб.³

Есть основания полагать, что цитируемый фискальный источник учитывал лиц, регулярно занимавшихся своей деятельностью и выносивших продукцию на рынок, тогда как лица, работавшие на заказ от случая к случаю, не учитывались.

Есть все основания полагать, что от года к году число казачьих детей, занимавшихся торговлей и промыслами, неуклонно увеличивалось. Этому способствовало увеличение потребностей растущего города и количественный прирост сыновей в казачьих семьях. Архивные документы подтверждают данные предположения. Фискальный источник сбора все той же 10-й деньги через 20 лет содержит несколько иные материалы о казачьих детях, да и сама книга увеличилась в объеме, а сведения о предприимчивых людях стали очень скупы. Во всех случаях использовалась только одна формулировка: «с торгу и промыслу», без конкретной расшифровки. В источнике 1686/87 г. отмечено 23 казачьих сына, самый состоятельный платил налог в 10 руб., наименьшая сумма обложения равнялась полтине. Налог более чем с 1 руб. платили 14 чел. В таможенной книге этого же периода 1686/87 г. отмечены казачьи дети, занимавшиеся кожевенным производством и выносившие свою продукцию на рынок. Формулировки в таможенном документе выглядели так: «...явил казачий сын Кирюшка Синещиков 18 кож дубленых яловиц своего дела, цена 18 рублев»⁴

. Таким образом, логически обоснованное положение, что казачьи дети для самообеспечения и обеспечения своих семей овладевали ремесленными специальностями или же занимались торговлей, находит документальное подтверждение.

² РГАДА. Сп. Кн. 1452. Л. 303.

³ Там же. Кн. 594. Л. 196 об.–197, 198, 202 об.

⁴ Там же. Кн. 868. Л. 785–819 об.

Несмотря на очевидный рост мелкотоварного производства, большинство сибирских переселенцев было занято в сельском хозяйстве. Значительная часть городского населения, в том числе и служилые люди всех рангов, имели свои пахотные угодья в уезде. Там же находились и их дворы со всем необходимым обиходом, а также с чадами и домочадцами. Фискальный документ 1705 г. дает количественную оценку числу казачьих детей, нашедших свое место за пределами города⁵

В итоговой записи, посвященной казачьим сыновьям, читаем: «Всего в Томске казачих детей, которые владеют угодьями 442 двора, у них детей и внучат и племянников 836 человек, дворовых работников 57 человек. Пашут 749 десятин в поле, в дух потому ж, сена косят 35 915 копен». При этом 135 дворовладельцев ничего в казну не платили. Кроме того, за казачьими детьми значилось 8 мельниц, но лишь с одной из них вносили оброк. Рыбные ловли также облагались налогом⁶

Кроме скупых цифр, этот источник дает представление о специфике хозяйств казачьих детей Томского уезда. Детальный анализ этого материала требует отдельного самостоятельного исследования. Однако и выборочные сведения о наиболее типичных хозяйствах дают представления об условиях существования второго, третьего и последующих поколений детей сибирских казаков-первопроходцев.

Типичный пример семьи, состоящей из двух поколений, казачьего сына Ивана Осипова Кудрина показывает, что казачьи дети обзаводились все разраставшимися семьями. Помимо женатого сына у Ивана Кудрина было еще четверо сыновей. Заимка его находилась в с. Никольском и насчитывала 60 дес. (включая залежные земли). Право на владение угодьями он получил «по памяти из приказной избы». Однако земля не была в полной собственности И. Кудрина, он владел ей «вопче без разделу» с другим казачьим сыном. Кроме того, среди угодий имелись сенные покосы, на которых заготавливалось по 100 копен сена, что свидетельствовало о наличии в хозяйстве скота⁷

Этот пример можно считать типичным, поскольку в индивидуальной собственности у казачьих детей находилось незначительное количество земли. Как правило, в совместном землепользовании участвовали родственники или свойственники: отцы, братья отцов или матерей, племянники и т.п. В этих случаях фамилии далеко не всегда указывают на степень родства.

Вполне естественно, что угодья казачьих детей были совместными с родительскими. Казачий сын Дмитрий Леонтьев сын Елгин владел заимкой, которая была оформлена на имя отца, пешего казака Леонтия Елгина, он и платил соответствующий налог⁸

Несмотря на то, что население Сибири приумножалось, оно все же значительно отставало в количественном отношении от европейских регионов России. Поэтому вполне объяснимо большое количество родственников и свойственников среди жителей, в том числе и служилых людей. Казачьи семьи рождались посредством заключения браков между детьми соседей или «сотоварищей». Таким образом, каждая вторая или третья служилая семья оказывалась в цепи родственных связей. Обрабатывать пахотные земли и заготавливать корм скоту было надежнее и проще силами нескольких породнившихся семей. Именно поэтому большинство хозяйств являлись совладениями, обозначенными термином «вообще без раздела» на первый взгляд со случайными людьми, поскольку источники не дают возможности детально проследить все связи родственников и свойственников.

Значительно меньше среди казачьих детей, проживавших в Томском уезде, сугубо индивидуальных пользователей земель. Так, казачий сын Пимен Сизев, судя по возрасту детей, достигший 40-летнего возраста, единолично владел землей⁹

. Можно полагать, что земля досталась ему по наследству.

Кроме того, существовала группа сыновей казаков, являвшихся, по сути, ремесленниками, которые обслуживали свою округу. В Томском уезде таковых было 7,5 % от общего количества (442 чел.)¹⁰

. К сожалению, источник не указывает специализацию этих ремесленников, но думается, она исходила из нужд сельского населения.

Если сын служилого, имея статус казачьего сына, не успел обзавестись наследником мужского пола или мальчики были слишком малы, то часто с ним вместе проживали братья, образуя братскую семью. Так, с бездетным Иваном Петраковым проживал совместно 20-летний родной брат. С казачьим сыном Степаном Алексеевым, имевшим 3-летнего сына, жили совместно братья в возрасте 20 и 22 лет, которые были помощниками в хозяйстве¹¹

По размерам угодий можно судить о некотором имущественном расслоении среди казачьих детей. Наряду с хозяйствами с небольшими запашками существовали и иные, превышавшие объемы, необходимые для нужд семьи. Однако размеры пахотных земель нельзя в полной мере считать критерием благополучия. Были хозяйства, ориентированные на животноводство, в этом случае следует учитывать количество заготовленного сена. Некоторые казачьи дети имели рыбные «тони», мельницы и т.п. Очень значительных производящих хозяйств у детей казаков, как правило, не было. Редкие исключения были основаны на родственных совладениях и больших семьях.

В целом можно утверждать, что казачьи дети, проживавшие в уезде, в перспективе сливались с крестьянством. «Городские казачьи дети» пополняли ряды ремесленников и мелких торговцев, формируя слой будущих разночинцев. «Золотая молодежь» XVII в., сыновья служилых казаков, гордившаяся своим происхождением и статусом, в XVIII в.

⁵ Там же. Кн. 1371.

⁶ Там же. Л. 367 об.–368.

⁷ Там же. Л. 247.

⁸ Там же. Л. 259 об.

⁹ Там же. Л. 200.

¹⁰ Там же. Кн. 1371.

¹¹ Там же. Л. 270, 281.

постепенно теряла свои привилегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII в. М., 1988.
2. *Каменецкий И.П.* Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв. Омск, 2005.

*Статья поступила
в редакцию 03.02.2012 г.*